Кристина Штекль

Подход Русской православной церкви к вопросу прав человека

Kristina Stoeckl

The Russian Orthodox Church's Approach to Human Rights

Kristina Stoeckl — Fellow of the Austrian Program for Advanced Research and Technology (APART), Fellow of the Austrian Academy of Sciences at the University of Vienna, Department of Political Sciences (Vienna, Austria). kristina.stoeckl@eui.eu

This article looks at the ways in which the Russian Orthodox Church has approached the international human rights regime from the moment of its foundation — the 1948 "Declaration of Human Rights" — until the adoption of the "Teaching on Human Dignity, Freedom and Rights" by the Bishops Council of the Russian Orthodox Church in 2008. It is argued that within this period, the attitude of the Church has changed from outright rejection to critical acceptance. The article analyzes the political background for this shift and sheds light on ambivalent dynamics inside the Moscow Patriarchate during the last two decades.

Keywords: Russian Orthodox Church, religion in the USSR, human rights, religion and modernity.

В этой статье мы проанализируем подход Русской православной церкви к правам человека со времени подписания Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и до публикации «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека» в 2008 году. С нашей точки зрения, за эти полвека позиция Русской православной церкви сменилась от решительного отрицания к критическому принятию. Сегодня Московский патриархат пользуется понятием прав человека для достижения собственных целей и отстаивает консервативное понимание прав человека в полемике с либерализмом и индивидуализмом международной системы прав человека.

1948-й — год подписания Всеобщей декларации — можно считать точкой отсчета для дискуссии как о сближениях, так и о разногласиях между позицией РПЦ и традиционным понятием прав человека, так как именно тогда сформировались *международные юридические нормы* о правах человека. Зная идеологическую подоплеку позиции Русской православной церкви по отношению к самой *идее* прав человека, возникшую во времена Французской революции, можно было бы углубиться еще дальше в историю, во времена наполеоновских войн, когда идеи французского Просвещения начали влиять на умы жителей Российской империи. Но я заранее отказываюсь от такой перспективы, хотя и осознаю необходимость учитывать эту историю развития мысли и помнить о том, что некоторые аргументы Церкви *против* понятия прав человека (права — плод антропоцентрического и антирелигиозного пафоса Просвещения) родились в XIX веке в результате интеллектуальных баталий между славянофилами и западниками[1].

Статья состоит из трех частей. В первой части я попытаюсь рассмотреть вопрос прав человека с точки зрения РПЦ в период холодной войны. Во второй — я проанализирую подход Церкви к вопросу прав в постсоветский период, уделяя особое внимание «Основам социальной концепции», опубликованным РПЦ в 2000 году. И, наконец, третья часть будет посвящена разработке и содержанию упомянутого документа под названием «Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», являющегося на сегодняшний момент наиболее законченной формулировкой подхода Московского патриархата к вопросу прав человека.

Русская православная церковь и понятие прав человека в период холодной войны

10 декабря 1948 года на Генеральной ассамблее ООН во время принятия Всеобщей декларации прав человека Советский Союз и его государства-сателлиты воздержались от подписания документа. Делегаты от СССР критически отозвались о документе, особенно о статьях 18–21 из третьей части, которые, по их мнению, должны были быть лучше «согласованы с интересами рабочих

1. Bowring, B. (2013) *Law, Rights and Ideology in Russia*. London, New York: Routledge.

классов и использоваться для укрепления социализма»[2]. Однако двадцать лет спустя, в 1968 году, Советский Союз подписал два важных международных документа, регулирующих права человека и переводящих принципы Декларации на язык действующего права, а именно Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (ратифицированы в 1973 году). В 1975 году СССР также подписал Хельсинкский Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Хельсинкские соглашения юридически не связывали стран-участников, но требовали политического признания прав человека. «Принципы, регулирующие отношения между государствами-участниками», перечисленные в Заключительном акте, подразумевали, что государства-участники должны будут «уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», и «действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека» (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1975)[3].

В момент подписания Всеобщей декларации Русская православная церковь была не готова отреагировать на это событие или представить себе возможное влияние документа на жизнь Церкви. В конце 40-х годов РПЦ только-только оправлялась от трех десятков лет жестких притеснений, почти полностью разрушивших ее институциональную структуру, и начинала, хотя и под жестким государственным контролем, постепенно восстанавливаться. На протяжении всей холодной войны Церковь хранила молчание в вопросе прав человека, не отреагировав ни на подписание СССР трех международных соглашений, ни на постоянные нарушения прав верующих. Соглашение между советским правительством и Церковью подразумевало освобождение последней от репрессий в обмен на безоговорочно лояльное отношение к Советскому государству. Именно эта лояльность и была причиной молчания в вопросах прав человека и их нарушения, в том числе преследования по религиозным мотивам. В 18-й статье Всеобщей

2. Glendon, M. (2001) *A World Made New. Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights,* p. 184. New York: Random House.

3. Само собой разумеется, что подписание этих международных соглашений не помешало советскому правительству ограничивать индивидуальные права и свободы. Самым вопиющим несоответствием между взятыми на себя обязательствами перед международным правом и реальными действиями стали притеснения и аресты членов Московской Хельсинкской группы, сформированной в 1976 году.

декларации прав человека написано: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов». Учитывая то положение, в котором находилась Церковь в конце 1940-х годов, такие гарантии казались неосуществимой мечтой. Но была и своя, внутренняя, экклезиологическая сторона в отрицании Церковью того, что свобода вероисповедания нарушается в СССР: до и во время Второй мировой войны некоторые части Русской православной церкви объявили свою независимость от Московского патриархата. В частности, Украинская автокефальная православная церковь[4] и Русская церковь в Западной Европе. После 1945 года патриарх Алексий, при поддержке советского правительства, сделал все возможное, чтобы вернуть откололовшиеся группы под юрисдикцию Москвы.

Короче говоря, во время подписания Всеобщей декларации прав человека РПЦ оказалась в глубоко парадоксальной ситуации: в то время, когда крупные международные организации утверждали свободу вероисповедания как одну из основных ценностей послевоенного мирового порядка, в том числе и для того, чтобы положить конец преследованиям по религиозным мотивам со стороны коммунистов, Русская православная церковь, сама страдающая от жестких ограничений советского режима, пыталась всеми возможными способами отрицать гонения за религиозные убеждения в СССР. Для подобного отрицания имелись два мотива: во-первых, Церковь хранила молчание из страха перед репрессиями, во-вторых, интересы Московского патриархата, в контексте вышеупомянутого отделения православных Церквей, зачастую совпадали с интересами советского правительства. Индивидуальное право на свободу вероисповедания не могло быть искренне признано РПЦ в 1948 году как по политико-прагматическим, так и по внутренним экклезиологическим причинам.

Эта парадоксальная ситуация имела место в течение всей холодной войны и именно она стала причиной открытых столкновений между руководителями Русской православной церкви и теми верующими, кто требовал свободы вероисповедания и признания

4. Miner, S.M. (2003) *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics 1941–1945*, p.101. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press.

прав человека. Самый известный пример — история отца Глеба Якунина. В 1975 году Глеб Якунин и Лев Регельсон написали обращение к делегатам Ассамблеи Всемирного Совета Церквей, собравшейся тогда в Найроби. В своем письме они обвинили Советский Союз в преследованиях по религиозным мотивам, а также обвиняли Русскую православную церковь в бездействии и пособничестве советскому режиму. Неудивительно, что официальная делегация РПЦ пыталась отвлечь внимание от этого обращения и осудить его авторов, однако Ассамблея Всемирного Совета Церквей рассмотрела письмо и предложила резолюцию, в которой потребовала «чтобы вопрос свободы вероисповедания стал темой серьезных обсуждений с представителями Церквей государств, подписавших Хельсинкское соглашение»[5]. Это событие имеет огромное значение, так как именно тогда Московский патриархат впервые столкнулся с вопросом права человека на вероисповедание как с *международной юридической нормой*.

В течение холодной войны Церковь не высказывала своей позиции в отношении прав человека, утверждавших себя в качестве независимых международных юридических норм. До 1991 года единственными официальными комментариями представителей РПЦ к вопросу прав человека стали заявление митрополита Никодима в 1963 году и статья Алексея Осипова «Богословские аспекты прав человека», опубликованная в Журнале Московской патриархии за 1984 год. Оба эти примера весьма наглядны.

Во время своего первого выступления на «Христианской мирной конференции» в Праге в 1963 году митрополит Никодим произнес следующие слова: «Всякое гражданское право [...] имеет истинную ценность, только если используется на благо общества, родной страны, всего человечества, а не для защиты интересов себялюбивого индивидуума или привилегированного класса»[6]. Уэбстер, автор книги, в которой приводится эта цитата, называет слова Никодима «социалистической версией прав человека». Действительно, марксистскую подоплеку в речи Никодима можно увидеть невооруженным глазом, особенно в его понимании соотношения понятий прав человека и собственности: «Возможно ли, с христианской точки зрения, считать истинной свободой защиту неоспоримых прав индивидуума на средства производ-

5. Kelly, D. (1976) «Nairobi: A Door Opened», *Religion in Communist Lands* 4 (1): 5.

6. Цит. по: Webster, A. F. C. (1993) *The Price of Prophecy. Orthodox Churches on Peace, Freedom, and Security*, p. 51. Washington: Ethics and Public Policy Center.

ства, принадлежащие обществу как целому?»[7]. То, что представитель Церкви в своей речи сослался на 17-ю статью Всеобщей декларации (право владеть имуществом), указывает на признание Никодимом коммунистических идеологических требований к роли Русской православной церкви. Однако, в свете массовых реквизиций церковного имущества, устроенных большевиками в разгар борьбы с «привилегированным классом» духовенства, последний риторический вопрос митрополита звучит особенно горько и цинично. В то время, когда права на владение имуществом приобретали международный юридический статус, а церковное имущество в СССР еще недавно было почти полностью конфисковано, то есть когда Русская православная церковь сама чувствовала себя жертвой нарушения 17-й статьи, ее представители поддерживали идею коллективной собственности. Разумеется, это тоже часть той общей парадоксальной ситуации, в которой оказалась РПЦ в советский период. Однако, отметим еще раз, мотивы, побуждающие Никодима нападать на идею прав человека, были двоякими. С одной стороны, у него не было выбора как у представителя Церкви, находящейся под пятой советского режима; с другой же стороны, социалистическое государство и Церковь в равной степени опасались, что индивидуальное право будет способствовать усилению эгоизма людей.

В статье Алексея Осипова, опубликованной в Журнале Московской патриархии за 1984 год, богословская аргументация более проявлена. В этой статье Осипов заметил, что свобода есть относительное, а не абсолютное право и может считаться «добром» только в том случае, если она способствует развитию добрых качеств человека и общества. С этой точки зрения он критиковал философа Николая Бердяева: «И Н. Бердяев был глубоко неправ, утверждая примат свободы. Свобода, понимаемая как неограниченное право действия, есть как раз не положительная реальность, а искушение, победившее первого человека, и побеждающее его потомков»[8]. Оставляя в стороне правомерность критики Бердяева, отметим, что Осипов связывает понятие свободы с грехом — человек может использовать свободу для удовлетворения собственных интересов. По этой причине свобода в обществе должна быть всегда «ограниченной»: «Свобода, например,

7. Ibid., p. 52.

8. *Осипов А.* Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5. С. 56–60.

слова, печати и тому подобное есть, бесспорно, нормальное явление в демократическом обществе. Однако таковым оно остается до тех пор, пока не переступает своих положительных границ, то есть пока служит благу человека. Обратившаяся же в свою противоположность, то есть в проповедь лжи, клеветы, порнографии, пропаганды насилия, войны и так далее, эта свобода становится злом и не может уже, следовательно, именоваться правом человека и иметь право на существование в обществе»[9].

Примерно в середине своей статьи Осипов упоминает Всеобщую декларацию прав человека и Хельсинкское соглашение. Он называет эти соглашения «авторитетными международными документами», однако отмечает: «...Здесь мы касаемся еще одного богословского аспекта проблемы прав человека — границ тех прав, которые действительно необходимы человеку»[10]. Осипов пишет, что «есть тенденция к столь безграничному расширению прав, самих по себе вполне положительных, при котором они переходят в свою противоположность»[11]. Этот акцент на «границах» предвосхищает нынешние аргументы православия, как и другая мысль Осипова о том, что в вопросах прав человека должен учитываться уровень «зрелости» общества: «Права человека в нем должны развиваться, а не быть сразу и безусловно данными, то есть границы их (мы говорим об общепринятых правах) должны расширяться и углубляться по мере морального и духовного роста общества»[12]. В своей статье Осипов не только проводит различие между положительной и отрицательной свободой и настаивает на ограничении индивидуальных прав человека (обе мысли характерны для дискурса Русской православной церкви 1990-х и 2000-х годов), но и подчеркивает изначальную богословскую (а не исключительно политическую) подоплеку вопроса прав человека. До 1991 года невозможно было даже помыслить о том, что руководство Русской православной церкви сможет спорить с советским правительством по поводу прав человека, но после 1991 года стало ясно и другое: Церковь не собирается принимать идею прав человека с распростертыми объятиями. Речь Никодима 1963 года и статья Осипова 1984 года ясно показали сомнения Церкви в самом понятии прав человека.

9. Осипов А. Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5.
10. Там же.
11. Там же. С. 59.
12. Там же.

Русская православная церковь и права человека после 1991 года, «Основы социальной концепции» 2000 года

После распада Советского Союза в 1991 году Церковь полностью освободилась от политических и идеологических тисков, однако вскоре стало ясно, что в ее лице либеральная демократия и концепция прав человека едва ли получат страстного союзника. Ухудшению отношения Русской православной церкви к международным нормам прав человека способствовали два фактора: во-первых, противоречие этих норм позиции и самопониманию Русской православной церкви как религии большинства в вопросах вероисповедания; во-вторых, опасения Церкви по поводу либерализации и плюрализации российского общества.

После 1991 года патриархат не изменил своей точки зрения, сложившейся во времена холодной войны, — свобода вероисповедания скорее приводит к разрушению канонической и территориальной сплоченности, чем к расцвету церковной жизни. В первой половине 1990-х Московский патриархат был обеспокоен деятельностью Католической и Протестантских Церквей, направленной на прозелитизм (обращение людей других конфессий в свою веру). РПЦ не представляла вопрос в терминах личного выбора той или иной конфессии по собственному желанию, а в терминах риска появления и расцвета «тоталитарных сект» и вымывания «русской православной идентичности»[13]. Закон 1997 года «О свободе совести», несколько ограничивший деятельность новых религиозных групп в Российской Федерации, соответствовал желанию Московского патриархата держать религиозный плюрализм «под контролем»[14].

Но в 1997 году правовая ситуация в России отличалась от той, что была в советские времена, и Московскому патриархату приходилось постоянно реагировать на споры по поводу свободы вероисповедания. В 1996 году Российская Федерация стала членом Совета Европы. Российская Федерация ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных сво-

13. Papkova, I. (2011) *The Orthodox Church and Russian Politics,* pp. 74–93. New York, Washington DC: Oxford University and Woodrow Wilson Center Press; Shterin, M. S. (1998) «Local laws restricting religion in Russia: precursors of Russia's new national law», *Journal of Church and State* 40 (2).

14. Gvosdev, N. K. (2002) «'Managed Pluralism' and Civil Religion in Post-Soviet Russia», in Christopher Marsh and Nikolas K. Gvosdev (eds) *Civil Society and the Search for Justice in Russia*, pp. 57–87. Lanham: Lexington Books.

бод и стала подотчетна Европейскому суду по правам человека в Страсбурге. Вскоре стало ясно, что международное правовое законодательство будет напрямую влиять на церковную жизнь. Вспомним случай Свято-Михайловского прихода, представленный перед судом в 2001 году и разрешенный в 2007 году. Речь идет о приходе в Киеве, который был основан в 1989 году как приход Украинской православной церкви Московского патриархата, а десять лет спустя его захотели переподчинить Киевскому патриархату. Этот вопрос смены деноминации привел к расколу внутри прихода и спорам по поводу того, какому из патриархатов принадлежит само здание церкви. Местные власти поддерживали позицию Московского патриархата и отказывались признать новый статус прихода. Тогда сторонники Киевского патриархата обратились в Европейский суд по правам человека, который в действиях украинских властей обнаружил нарушение 9-й статьи (свобода вероисповедания)[15]. Таким образом, международные нормы прав человека показали, что действительно могут разрушить каноническую территориальную целостность Московского патриархата.

Второй из названных нами факторов это либерализация российского постсоветского общества. 1990-е годы многими в России воспринимаются как период беспорядка и беззакония, однако это также было и время небывалого культурного и социального плюрализма. С точки зрения Церкви этот плюрализм не был положительным явлением. Особые подозрения вызывали две области: свобода для гомосексуалистов и разрастание искусства и шоу-бизнеса. Церковь строго осуждала гомосексуальность как грех, а свободу художественного самовыражения считала чреватой возможностью оскорбления чувств верующих. Споры вокруг организации гей-парадов в российских городах и общественный резонанс, вызванный выставкой «Осторожно, религия!» в Центре им. Сахарова в Москве, — лишь два примера того, какие формы приняла полемика вокруг прав человека между светскими либералами-правозащитниками и представителями религиозных институтов в середине 2000-х годов. Для людей искусства и правозащитников обвинения и критика со стороны Церкви означали, что индивидуальные свободы в России находятся под угрозой, а политика становится все более и более клерикальной. Представители Русской православной церкви, с другой стороны, говори-

15. ECHR (2007) «Case of Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine», *European Court of Human Rights, Strasbourg* no. 14 December 2007 (Application no. 77703/01).

ли о падении уровня общественной нравственности и предостерегали от возвращения к советскому «воинствующему атеизму», представляя самих себя в роли жертвы.

Неудивительно, что в свете сказанного выше об РПЦ, ее первый затрагивающий права человека догматический документ — «Основы социальной концепции Русской православной церкви», принятый Архиерейским Собором в 2000 году, — носил негативный характер. В четвертом разделе (Христианская этика и светское право) этого документа права человека названы порождением секуляризма и самодостаточного гуманизма:

> По мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи. В системе современного светского гуманистического понимания гражданских прав человек трактуется не как образ Божий, но как самодостаточный и самодовлеющий субъект[16].

«Основы социальной концепции» представляли сам вопрос прав человека как в корне чуждый богословию и жизни Церкви. Те, кто разрабатывали «Основы социальной концепции», дали ясно понять, что Церковь вступила в этот чуждый ей юридический спор лишь с сотериологической задачей — ответить на вопрос: Как православный христианин должен поступать, если законодательство, основанное на понятии прав человека, противоречит его христианским убеждениям?[17]. «Основы социальной концепции» дают радикальный ответ: если государство начнет издавать законы, противоречащие христианским убеждениям, Церковь призовет к гражданскому неповиновению[18]. Таким образом, документ оставил РПЦ в позиции открытой конфронтации с концепцией прав человека.

16. Основы социальной концепции Русской православной церкви. 2000. IV. 7.

17. Agadjanian, A. (2010) «Liberal Individual and Christian Culture: Russian Orthodox Teaching on Human Rights in Social Theory Perspective», *Religion, State and Society* 38 (2): 97–113.

18. Основы социальной концепции. IV. 8.

Однако в 2000 году Московский патриархат выпустил еще один текст, в котором говорилось, что четвертый параграф «Основ социальной концепции» не является окончательной позицией Церкви в вопросе прав человека. 16 февраля 2000 года митрополит Смоленский и Калининградский, нынешний патриарх Кирилл написал статью для «Независимой газеты», которая начиналась так:

> Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке — это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности — с другой. Исследование генезиса и поиск возможных путей преодоления противоречий между этими двумя решающими факторами современного развития должны занять, как кажется, важное место в православных богословских исследованиях. Поскольку речь идет о проблеме, решение которой во многом может определить будущий облик человеческой цивилизации, то понятно, что сама постановка данной проблемы и попытка ее первичного определения [...] вызывает не только искреннюю заинтересованность, но и не менее искренний гнев. Гневаются те, кто в силу определенных идеологических соображений отвергает самую идею постановки подобной проблемы, опасаясь возможной коррекции или даже пересмотра в будущем либеральных идей, на которых основывается сегодня попытка сформировать облик человеческого сообщества в «плавильном котле» цивилизаций и культур. Гневаются при этом и ревнители религиозного и культурного фундаментализма, давно решившие для себя все проблемы и глубоко убежденные в том, что единственный способ спастись — это наглухо закрыть дверь своего дома[19].

Кирилл делает вывод, что критическое и творческое взаимодействие с либеральными ценностями является одной из важнейших задач православного богословия[20]. Весьма символично то, что «Независимая газета» поместила вместе с этой статьей репродукции ксилографий XIX века Юлиуса Шнорра фон Карольсфельд, немецкого художника-романтика, под названиями «Ис-

19. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Норма веры как норма жизни. Часть 1 // Независимая газета. 16.02.2000; *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Норма веры как норма жизни. Часть 2 // Независимая газета. 17.02.2000.

20. Там же.

целение двух слепцов» и «Иисус и апостолы во время бури». Обе иллюстрации и их символизм олицетворяли собой тему статьи, а именно: конфликт между двумя сторонами, которые были «слепы» в своем рвении, а также утверждение факта кризиса в Церкви. Кирилл попытался дистанцироваться от обоих типов «слепоты»: он не призывал, подобно либеральным секуляристам, к безусловному принятию современных секулярных ценностей Запада, но и не вставал на сторону фанатичных приверженцев Церкви, отказывающихся даже обсуждать вопрос прав человека и отрицающих рационализм, который, между прочим, их и породил. Кирилл же призывает к поискам третьего пути. Этот «третий путь» изначально отклонялся от догматизма «Основ социальной концепции» и, как я покажу ниже, привел спустя восемь лет к появлению еще одного документа — «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека».

Поиски середины и «Учение о достоинстве» 2008 года

Начиная с середины 2000-х годов становится очевидным изменение отношения Церкви к правам человека — от полного отрицания к «принятию через отрицание»[21]. Эта стратегия состояла в теоретическом принятии языка прав человека, отрицая при этом конкретные формы их практического применения. Отличительной чертой этого нового подхода стало более глубокое знание западного правового режима, его истории и текущих проблем правового законодательства. Эта стратегия была принята на вооружение с того момента, как митрополит Кирилл впервые процитировал — а потом еще много раз это делал — 29-ю статью Всеобщей декларации прав человека:

> 1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.
> 2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых

21. Agadjanian, A. (2010) «Liberal Individual and Christian Culture: Russian Orthodox Teaching on Human Rights in Social Theory Perspective», *Religion, State and Society* 38 (2): 97–113.

требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Это «открытие» двадцать девятой статьи сильно повлияло на споры вокруг прав человека внутри Русской православной церкви, которая больше не противопоставляла себя западному индивидуалистическому пониманию человеческих прав. Вместо этого Церковь считала себя защитницей подлинного понимания прав человека, отраженного в 29-й статье. Это понимание подчеркивает важность нравственности и обязанностей перед обществом. Такая стратегия была эксплицирована в нескольких речах Кирилла за несколько лет до выхода «Основ учения...».

На семинаре, проходившем 30–31 октября 2006 года в Страсбурге и озаглавленном «Эволюция нравственных принципов и прав человека в мультикультурном обществе», он произнес следующие слова: «Я уверен, что озабоченность духовными потребностями, основывающаяся чаще на традиционной нравственности, должна вернуться в общественную сферу. Соблюдение нравственных норм должно стать общественным делом. И именно механизм прав человека может этому способствовать. Я говорю именно о возвращении нормы, поскольку она была прописана еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года»[22].

Ту же мысль митрополит Кирилл высказал в своей речи в ЮНЕСКО 13 марта 2007 года: «Православная церковь сегодня предлагает возвратиться к пониманию роли прав человек в общественной жизни, которая закладывалась в 1948 году. Моральные нормы могут быть реальным ограничителем для реализации прав человека в публичной сфере»[23].

Этот тезис был повторен патриархом Алексием II, выступившим перед Парламентской ассамблеей Совета Европы 2 октября 2007 года. Он упомянул не только Всеобщую декларацию, но и Европейскую конвенцию по правам человека:

22. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Норма веры как норма жизни. Часть 1 // Независимая газета. 16.02.2000.

23. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на международном семинаре ЮНЕСКО. Париж, 13–14 марта 2007 [http://pravovrns.ru/?p=439, доступ от 27.10.2010].

> Однако сегодня происходит губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности. Это наблюдается в появлении нового поколения прав, противоречащих нравственности, а также в оправдании безнравственных поступков с помощью прав человека. В связи с этим хотел бы напомнить всем нам о том, что в Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод включено упоминание нравственности, с которой должна считаться правозащитная деятельность. Убежден: создатели данной конвенции включили в ее текст нравственность не как туманное понятие, а как вполне определенный элемент всей системы прав человека[24].

Эта позиция была подтверждена словами митрополита Илариона два года спустя после выхода «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека»:

> Стоит отметить, что послевоенные документы, закрепляющие понятие прав человека, действительно отражали связь между свободой и нравственной ответственностью. Всеобщая декларация прав человека 1948 года и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года связывают права человека с нравственностью. А вот в более поздних документах, таких как Хартия Европейского союза по правам человека, нравственность совсем не упоминается. Таким образом, свобода полностью отделена от нравственности[25].

О чем нам говорят все эти цитаты? Очевидно, что в период разработки «Основ учения» руководство Русской православной церкви уже хорошо разбиралось в современных политических и законодательных аспектах прав человека. В частности, Московский патриархат нашел и научился использовать те части современной концепции прав человека, которые связаны с легальной возможностью ограничения прав с целью поддержания общественной нравственности. Теперь Церковь отказалась от позиции прямого отрицания, очевидной в «Основах социальной концепции» 2000 года.

24. Выступление Святейшего Патриарха Алексия на очередной сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы. 2 октября 2007 [http://www.patriarchia.ru/db/text/301 775.html, доступ от 27.10.2010].

25. Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 2008.

В 2006 году Московский патриархат выпустил еще один документ, связанный с правами человека. Если быть точным, «Декларация о правах и достоинстве человека» Всемирного русского народного собора не была церковным документом. Но председателем этой неправительственной организации является патриарх, поэтому документ, несомненно, был создан при непосредственном участии Церкви. Теперь ясно, что эта Декларация была первым шагом к формулировке «Основ учения». Однако в 2006 году, когда Декларация была выпущена, ее решительный антизападный и антилиберальный пафос был воспринят как продолжение курса, взятого в «Основах социальной концепции» шестью годами ранее.

«Декларация о правах и достоинстве человека» установила связь между правами человека и нравственностью. Формулировка этой связи в документе звучит немного витиевато: «не может не быть связано» и подчеркивает сущностную (едва ли не онтологическую) природу связи между правами человека и нравственностью. Авторы Декларации проводят различие между *ценностью* человека и человеческим *достоинством*, утверждая, что достижение последнего зависит от нравственной жизни и поведения: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность — это то, что дано, достоинство — это то, что приобретается»[26].

Различие между «ценностью человека» и «человеческим достоинством» оказалось с богословской точки зрения несостоятельным. Неудивительно, что два года спустя, в «Основах учения» понятие «ценности человека» не используется. Но сам факт того, что подобное различие было проведено в документе Всемирного народного русского собора, показывает новую — утверждающую — стратегию Московского патриархата по отношению к понятию прав человека, связывающую достоинство и нравственность.

Первая глава «Основ учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека», выпущенных в 2008 году, целиком посвящена достоинству человека как религиозной и нравственной категории. Там написано, что с точки зрения православия человеческое достоинство соотносится с сотворением людей «по образу и подобию Божьему». Образ Бога в человеке назван

26. Декларация о правах и достоинстве человека. 2006 [http://www.patriarchia.ru/db/text/103 235.html, доступ от 27.10.2010].

в документе источником человеческого достоинства. Он сохраняется неизменным даже после грехопадения, то есть человеческая греховность не способна уничтожить Богом данное достоинство. Этим утверждением «Основы учения» исправили не совсем внятное различие между данной «ценностью» и приобретенным «достоинством», проведенное авторами «Декларации о правах и достоинстве человека» Всемирного русского народного собора. Однако и для авторов «Основ учения» человеческое достоинство не есть нечто абсолютное: для Церкви богоподобие человека есть источник понимания того, как люди способны преодолеть грех и восстановить человеческую жизнь «в полноте ее изначального совершенства»[27]: «подобающая достоинству жизнь соотносится с понятием подобия Божия, которое по Божественной благодати достигается через преодоление греха, стяжание нравственной чистоты и добродетелей [...] представление о том, что достойно, а что недостойно, крепко связано с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним состоянием его души. Учитывая помраченное грехом состояние человеческой природы, важно ясно различать достойное и недостойное в жизни человека»[28]. А вот как авторы «Основ учения» объяснили, что такое «достойная жизнь, согласно изначальному призванию, заложенному в природе человека, сотворенного для участия в благой жизни Бога»[29]: «...присущие человеческой природе нравственные нормы, как и нравственные нормы, содержащиеся в Божественном откровении, обнаруживают замысел Божий о человеке и его предназначении. Они являются путеводными для благой жизни, достойной богозданной природы человека»[30]. Эти нравственные нормы познаются через откровение (пример Иисуса Христа, писание, предание) и совесть. Человеческая природа — ненадежный источник нравственности, так как она потенциально греховна («жизнь по закону плоти»[31]). По этой причине в документе особое значение придается покаянию: «Именно поэтому святоотеческая и аскетическая мысль, литургическая традиция Церкви более говорят о недостоинстве человека, обусловленном грехом, чем о его достоинстве»[32]. Первая глава заканчивается

27. Основы учения. I. 1.
28. Основы учения. I. 2.
29. Основы учения. I. 3.
30. Основы учения. I. 3.
31. Основы учения. I. 4.
32. Основы учения. I. 5.

следующими словами: «Согласно православной традиции, сохранение человеком богоданного достоинства и возрастание в нем обусловлено жизнью в соответствии с нравственными нормами, ибо эти нормы выражают первозданную, а значит, истинную природу человека, не омраченную грехом».

Таким образом, Русская православная церковь установила прямую связь между человеческим достоинством и нравственностью. Рискуя немного преувеличить, мы могли бы сказать, что «Основы учения» стали богословским оправданием 29-й статьи Всеобщей декларации прав человека: «...Каждый человек должен подвергаться [...] ограничениям [...] с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали...». Текст документа и все, что сопутствовало его принятию и изданию, показывают, что к 2008 году Московский патриархат начал принимать концепцию человеческих прав и использовать ее язык, а также положения других международных правовых соглашений для оправдания своей собственной консервативной позиции в отношении прав человека. Переход от отрицания к принятию стал возможен благодаря двум понятиям, необходимым с точки зрения Церкви для рассмотрения понятий свободы в общественной жизни в рамках современного правового режима: «законных ограничений» и «нравственности». И если предыдущие высказывания, начиная со статьи Осипова 1984 года и заканчивая «Основами социальной концепции» 2000 года, отрицали человеческие права как плод безграничного понимания человеческой свободы и безбожного «себялюбия», то «Основы учения» 2008 года уже используют само понятие прав человека для того, чтобы утвердить взгляд Церкви на общественный порядок. Есть свидетельства того, что составители документа осознавали этот сдвиг, что они многому научились, создавая его. Игумен Филарет (Булеков), тогдашний представитель Московского патриархата в Страсбурге, заявил, что документ должен был разрушить как минимум два стереотипа о русском православии: что Православная церковь не касается вопроса прав человека и что Церковь вообще против прав человека[33]. Очень важно понимать, что упоминаемые Филаретом (Булековым) стереотипы существовали не только вне, но и внутри Рус-

33. REOR (2008) «Russkaya Pravoslanaya Tserkov sformulirovala osnovy ucheniya o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka», *Website of the Representation of the Russian Orthodox Church in Strasbourg*.

ской православной церкви. «Основы учения» были созданы в том числе и для того, чтобы прояснить свою внутреннюю позицию.

Наглядным показателем напряжений и неясностей, сохранившихся внутри церковного дискурса, является пастырское обращение Архиерейского Собора в июне 2008 года, в котором понятие прав человека жестко осуждалось, хотя именно этот собор совсем недавно принял «Основы учения»: «Идея прав человека стала одной из главных при формировании законов и политики государств. Данную идею подчас используют для оправдания греха и для того, чтобы принизить роль религии в жизни общества, лишить людей возможности жить по своей вере»[34]. Явное расхождение между чистым отрицанием прав человека и языком «Основ учения» демонстрирует напряжение и двойственность позиции Московского патриархата в отношении вопроса прав человека. Стратегия патриархата, выраженная в только что опубликованном документе, противоречила точке зрения бескомпромиссных консерваторов от Церкви, которые во время Архиерейского Собора «встали пикетом у входа в Храм Христа Спасителя, выступая против „еретиков из Синода“, мобильных телефонов, ИНН и прочей „бесовщины“»[35].

Выход «Основ учения о правах человека», таким образом, можно истолковать как появление срединного, третьего пути сопротивления либеральным ценностям, контур которого был очерчен Кириллом еще в статье 2000 года. Этот путь лежит между теми, «кто в силу определенных идеологических соображений отвергает самую идею постановки подобной проблемы, опасаясь возможной коррекции или даже пересмотра в будущем либеральных идей», и теми ревнителями «религиозного и культурного фундаментализма», давно решившими для себя все проблемы и глубоко убежденными в том, «что единственный способ спастись — это наглухо закрыть дверь своего дома»[36].

Заключение

Наша статья — обзор более чем полувекового противостояния Русской православной церкви международным юридическим стандартам прав человека. Эта конфронтация была обусловлена, с одной сто-

34. Послание Освященного Архиерейского Собора клиру, монашествующим и мирянам Русской православной церкви. 5 февраля 2013.

35. *Мошкин М.* Права — не догма // Время. 27.06.2008.

36. *Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский.* Норма веры как норма жизни. Часть 1 // Независимая газета. 16.02.2000.

роны, политическим контекстом, с другой же — чисто религиозными причинами. В советское время Московский патриархат не принимал современную концепцию прав человека одновременно по политическим и внутрицерковным причинам. В постсоветскую эпоху точка зрения Русской православной церкви оставалась в целом отрицательной, но с середины 2000-х она постепенно начала меняться с отрицания на принятие этой концепции с позиций консерватизма. В современной России эта консервативная точка зрения на права человека плавно перешла в поддержку Церковью авторитарного политического проекта. Однако необходимо помнить, что 29-я статья Всеобщей декларации, которая стала отправной точкой диалога для русских православных богословов, говорит не только о том, что права человека не должны противоречить общественной морали. Там также говорится о том, что сама общественная мораль должна быть «справедливой» и «демократической». И нам еще предстоит увидеть, станет ли понятие прав человека в контексте 29-й статьи ахиллесовой пятой церковной аргументации (если не будет связи между общественной моралью и демократией, то получается, что все сводится к политическому прагматизму) или ящиком Пандоры, настоящим двигателем дальнейшего демократического обсуждения, которого так хочет российское общество.

Перевод с английского Валентина Фролова

Библиография/References

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Часть 1 // Независимая газета. 16.02.2000 [http://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma. html, доступ от 04.09.2014].

Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Часть 2 // Независимая газета. 17.02.2000 [http://www.ng.ru/ideas/2000-02-17/8_norma2.html, доступ от 04.09.2014].

Мошкин М. Права — не догма // Время. 27.06.2008 [http://www.vremya.ru/print/207064.html, доступ от 04.09.2014].

Основы социальной концепции Русской православной церкви. 2000 [http://www.patriarchia.ru/db/text/141422, доступ от 04.09.2014].

Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека. 2008 [http://www.patriarchia.ru/db/text/428 616.html, доступ от 04.09.2014].

Осипов А. Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5. С. 56–60.

Послание Освященного Архиерейского Собора клиру, честному иночеству и всем верным чадам Русской православной церкви. 27.06.2008 [http://www.patriarchia.ru/db/text/428 904.html, доступ от 04.09.2014].

Agadjanian, A. (2010) «Liberal Individual and Christian Culture: Russian Orthodox Teaching on Human Rights in Social Theory Perspective», *Religion, State and Society* 38 (2): 97–113.

Bowring, B. (2013) *Law, Rights and Ideology in Russia*. London, New York: Routledge.

CSCE (1975) «Helsinki Final Act», *Conference on Security and Cooperation in Europe* [http://www.osce.org/mc/39 501? download=true, accessed on 05.03.2013]

ECHR (2007) «Case of Svyato-Mykhaylivska Parafiya v. Ukraine», *European Court of Human Rights, Strasbourg* no. 14 December 2007 (Application no. 77703/01).

Glendon, M. (2001) *A World Made New. Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. New York: Random House.

Gvosdev, N. K. (2002) "'Managed pluralism' and Civil Religion in Post-Soviet Russia", in Christopher Marsh and Nikolas K. Gvosdev (eds) *Civil Society and the Search for Justice in Russia*, pp. 57–87. Lanham: Lexington Books.

Kelly, D. (1976) «Nairobi: A Door Opened», *Religion in Communist Lands* 4 (1): 4–17.

Metropolitan Kirill, of Smolensk and Kaliningrad (2000a) «Norma very kak norma zhizni. Chast I»[The Norm of Faith as the Norm of Life. Part I], *Nezavisimaya Gazeta* 16.02.2000 [http://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma. html, accessed on 05.03.2013].

Metropolitan Kirill, of Smolensk and Kaliningrad (2000b) «Norma very kak norma zhizni II» [The Norm of Faith as the Norm of Life. Part II], *Nezavisimaya Gazeta* 17.02.2000 [http://www.ng.ru/ideas/2000-02-17/8_norma2.html, accessed on 05.03.2013].

Miner, S. M. (2003) *Stalin's Holy War: Religion, Nationalism, and Alliance Politics 1941–1945*. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press.

Moshkin, M. (2008) «Prava — ne dogma. Arkhierejskij soboro RPC utverdil svoe uchenie o svobodakh i dostoinstve cheloveka» [Law Is not a Dogma. Synod of ROC Approved Its Doctrine of Human Freedom and Dignity], *Vremya Novostej* no. 113, *27.06.2008* [http://www.vremya.ru/print/207 064.html, accessed on 06.12.2009]

Osipov, A. (1984) «Theological Aspects of Human Rights [in Russian]», *Journal of Moscow Patriarchate* 5: 51–56.

«Poslanie Osvyashchennogo Arkhiereiskogo Sobora kliru, chestnomu inochestvu i vsem vernym chadam Russkoi Pravoslavoi Tserkvi» [Synod's Epistle to Priesthood, Monks and all Faithfull Believers of ROC] (2008), *Official Website of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate*, 27 June 2008 [http://www.mospat.ru/archive/41 648.htm, accessed on 26.06.2013]

Papkova, I. (2011) *The Orthodox Church and Russian Politics*. New York, Washington DC: Oxford University and Woodrow Wilson Center Press.

REOR (2008) «Russkaya Pravoslanaya Tserkov sformulirovala osnovy ucheniya o dostoinstve, svobode i pravakh cheloveka» [ROC Phrased Foundations of Its Doctrine about Human Dignity, Freedom and Rights], *Website of the Representation of the Russian Orthodox Church in Strasbourg* [http://www.strasbourg-reor.org/? topicid=86, accessed on 27.10.2010].

ROC (2000) «The Bases of the Social Concept of the Russian Orthodox Church (official translation)», *Official Website of the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate* [http://www.mospat.ru/en/documents/social-concepts/, accessed on 06.12.2009]

Shterin, M. S. (1998) «Local laws restricting religion in Russia: precursors of Russia's new national law», *Journal of Church and State* 40 (2).

Webster, A. F. C. (1993) *The Price of Prophecy. Orthodox Churches on Peace, Freedom, and Security*. Washington: Ethics and Public Policy Center.